

вает о вражде, не внемлет наставлениям «братии», умолявшей их помириться. Ничего «агиографического», кроме ссылки на «врага», устроившего эту ссору, в рассказе нет. До того как в события вмешалась «божья кара» (болезнь Тита и видение), оба героя ведут себя, как Иван Иванович и Иван Никифорович в повести Гоголя.

Поликарп в послании печерскому архимандриту Акиндину приводит семь рассказов, показывающих совсем не «агиографические» эпизоды из жизни подвижников.

В рассказе об Агапите «безмездном враче» развернута картина борьбы монахов, лечивших в сущности внушением — своей едой вместо лекарств и молитвами, с врачом-армянином «хитрым врачеванию», «яко таков не бе прежде его». Святой в этом рассказе совсем не «агиографически» в спорах с противником то приходит в «ярость», то высмеивает его и раздраженно укоряет. Эти черты индивидуального характера, проявившиеся в конфликте с врачом, выходят за рамки тех качеств, какими агиографический стиль наделяет святого.

Правдивыми картинами монастырского быта, расцвеченными наивным «вымыслом» чудес, интересен рассказ о Григории чудотворце, при одном приближении которого «бесы» начинали «вопить»: „О Григорий, изгониши ны молитвою своею“. Главное содержание рассказа составляет описание столкновений Григория с ворами, дважды пытавшимися его обокрасть. Единственным имуществом Григория были книги. Григорий по ночам не спал, молился и «ощутив», что воры подкралась и ждут, когда он уйдет «на утренюю». Григорий помолился, чтобы бог дал сон вору, «яко утрудися, vsue врагу угажающе» (стр. 96—97). И они проспали 5 дней и ночей. Наконец, в присутствии братии Григорий разбудил воров, ослабевших от голода, накормил и отпустил их. Узнав, что «градский властелин» схватил воров и мучит их, Григорий огорчился, что они страдают из-за него, отдал часть книг «властелину», а остальные продал и отдал «убогым» их стоимость, чтобы это имущество больше никого не вводило в искушение. Раскаявшиеся воры нанялись работать в монастыре. У Григория был небольшой огород. Воры уже набрали овощей и плодов и хотели уходить, но «не възмогоса». Два дня они стояли «неподвижими и угнетаемы бремены», наконец, увидев мимо идущих черноризцев, взмолились, чтобы они освободили их. Но те «не могоста свести их от места того» и посоветовали «молить старца», чтобы отпустил их. Старец Григорий сначала сурово ответил им: «Понеже праздни пребывасте весь живот свой, крадушча чужаа труды, а сами не хотяще тружатися, — ныне же стойте ту праздни прочаа лета до кончины живота своего». Наконец, «умиляся» слезами воров, старец согласился отпустить их, если они будут «от труда своего инех питати» (стр. 97). Воры раскаялись и до конца жизни работали в Печерском монастыре.

Следующий эпизод рассказывает о других ворах, которые решили выманить хитростью остатки имущества Григория, а ночью сорвать плоды с его деревьев. Пришли трое и стали уверять, что один из них осужден на смерть и надо его выкупить. Григорий предсказал, что этот друг их все равно умрет — завтра повесится, но все же отдал им «оставшаа книги». Воры, смеясь, решили продать книги и поделить выручку. Ночью они заперли Григория «в погребе», где он молился, а сами пошли в сад. Тот из них, о ком друзья сказали, что он осужден и его повесят, залез на яблоню и начал рвать яблоки; ветка, за которую он держался, сломалась, падая он зацепился одеждой за другую ветку и воротником удушился. Испуганные тем, что сбылось предсказание Григория, воры просили прощения. Григорий и этих воров осудил работать на монастырь: «да к тому